

взглядов Ильина оставляет после себя больше вопросов, чем ответов.

Несмотря на эти все вопросы, следует отметить оптимизм Ивана Александровича в отношении будущего России: «Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и восстановит свою славную национальную историю. Но для этого ему необходимо свободное дыхание воли и разума»¹. Этот оптимизм нашего национального мыслителя должен помочь нам преодолеть трудности сегодняшнего дня и верить в хорошее будущее России. Мы всегда должны помнить следующие слова Ивана Александровича: «Быть русским значит... воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность»².

О.М. Давыдов

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРОТИВ «ОТВЛЕЧЕННОГО ИДЕАЛИЗМА»: О НЕКОТОРЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЯХ И.В.КИРЕЕВСКОГО И Д.И.МЕНДЕЛЕЕВА

Говоря о вкладе представителей русской религиозной философии в исследование проблем образования невозможно обойти вниманием имя Ивана Васильевича Киреевского. Невозможно хотя бы уже потому, что он автор «программной» для славянофилов работы «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России».

В этой работе Иван Васильевич, как это и следовало бы ожидать от одного из отцов-основателей славянофильства, критикует «западный» подход к образованию. Критикует не понаслышке, но переболев им лично в полной мере, достигнув наиболее выдающихся на тот момент высот «европейского любомудрия» – увлечения Шеллингом и Гегелем. Таким образом, свою

¹ Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. С. 355.

² Ильин И.А. Наши задачи. С. 105.

задачу в философии он видел в преодолении немецкого идеализма на основе Православия, учения святых отцов.

«Как и А. С. Хомяков, Киреевский видел главный порок западной философии, точнее говоря – основную болезнь ее – в ее идеализме, в утере живой связи с реальностью, в воззрении, согласно которому «все бытие мира является призрачной диалектикой собственного разума, а разум – самосознанием всемирного бытия», – мудро замечает один из крупнейших исследователей его творчества протоиерей Василий Васильевич Зеньковский. – Киреевский видит свою задачу в том, чтобы освободиться от сетей идеализма, т. е. найти точку опоры для построения такого учения о познании, которое не отрывает нас от реальности. Такой точкой опоры для гносеологических разысканий... является онтологизм в истолковании познания, т. е. утверждение, что познание есть часть и функция нашего “бытийственного” вхождения в реальность, что не одной мыслью, но всем существом мы “приобщаемся” к реальности в познании. Главное условие того, чтобы охранить близость к бытию в познании, заключается в связи познавательных процессов со всей духовной сферой в человеке, т. е. в цельности в духе; как только ослабевает или утрачивается эта цельность в духе, как только познавательная работа становится «автономной», — рождается “логическое мышление” или “рассудок”, уже оторвавшийся роковым образом от реальности»¹.

Для Киреевского этот подход важен именно в контексте образования, ведь он помогает восстановить *целостность* познающей личности, снимая *антиномию веры и знания*. Вера воспринимается не столько как гносеологический, сколько как нравственный акт – это общее место практически у всех старших славянофилов. Вера проявляет себя не как неполнота знания, но как *надежда*, задающая направление познавательного процесса. Надежда, а, точнее, уверенность в том, что познаваемое имеет от-

¹ В.В. Зеньковский. История русской философии. Париж, YMCA-PRESS, 1948, с. 256

ношение к реальности; в то время как западное рационалистическое образование уходит от акцентирования этого вопроса, ценя идею саму по себе, как почву для произрастания новых нетривиальных идей.

Однако в рамках известной дихотомии «западники-славянофилы», принято противопоставлять И.В. Киреевского и его сподвижников не собственно Западу, но отечественным мыслителям, предпочитающим западные ценности. Что в ответ на подобную критику могли возразить П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен или даже «ортодоксальные» гегельянцы, вроде Н.И. Станкевича? Скорее к этой критике немецкого идеализма оказывался ближе зародившийся через некоторое время на российских просторах марксизм. Однако подобный путь – путь материализма, разумеется, был для глубоко верующего И.В. Киреевского неприемлемым, а скорее всего и просто примитивным. Таким образом, привычно сопрягать западников и славянофилов в диалоге по этому вопросу проблематично, ведь диалог возможен тогда, когда обе стороны имеют равные шансы быть услышанными.

Посвященная критике отвлеченных идей, работа И.В. Киреевского не может рассматриваться сама лишь как теоретическая концепция, оторванная от реальности. В частности, в ее свете можно попытаться рассмотреть один из практических, но в то же время важнейших, даже роковых вопросов построения образования в XIX веке – вопрос о месте в нем естественных и технических наук. Религиозный компонент образования необходим, но обучать всех исключительно религии практически невозможно. Классические схемы, с чтением античных философов в подлинниках, на древних языках, от рационализма и прочих «западных» пороков, как выяснилось, не избавляют. Что делать?

Для И.В. Киреевского здесь нет проблемы. Естественнонаучное познание для него просто низший уровень того же познавательного процесса, высшим проявлением которого является уровень духовный – тем не менее также познающего реальность,

а не увлеченного игрой и идеями ради идей. «Образ разумной деятельности изменяется, смотря по той степени, на которую разум восходит, – пишет Иван Васильевич. – Хотя разум один и естество его одно, но его образы действия различны, так же, как и выводы, смотря по тому, на какой степени он находится, «и какая мысль лежит в его начале», и какая сила им движет и действует. Ибо эта движущая и оживляющая сила происходит не от мысли, предстоящей разуму, но из самого внутреннего состояния разума исходит она к мысли, в которой находит свое успокоение и чрез которую уже сообщается другим разумным личностям»¹.

Неожиданную переключку с идеями И.В. Киреевского можно найти в концепции «образовательного реализма» великого русского ученого Д.И. Менделеева. Хотя работы, ее содержащие, были опубликованы лишь через 40-50 лет после первых публикаций Киреевского, и прямых ссылок на идеи последнего не содержат, говорить об условном диалоге в данном случае куда более возможно.

Дмитрий Иванович Менделеев известен прежде всего как химик – первооткрыватель периодического закона. Его работы в области социологии и политической экономии сегодня известны менее, хотя при жизни дело обстояло иначе, да и сам автор придавал им далеко не второстепенное значение (известно его легендарное высказывание: «какой я химик, я политэконом!»). К вопросам философии Дмитрий Иванович относится крайне осторожно, среди его трудов нет таких, которые были бы специально посвящены этим вопросам, однако ученый проявлял к ним несомненный интерес.

Оригинальность и значимость гуманитарных исследований Менделеева оценить непросто. Разумеется, ученый был человеком своего времени, и многие использованные им концепции выглядят сегодня маргинальными, как это нередко случается с уста-

¹ *Киреевский И.В.* Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 293

ревшими теориями. В этой связи нелишне отметить, что собственно периодический закон был открыт Менделеевым в процессе поисков природы «мирового эфира» – понятия, давно вышедшего из научного лексикона и служившего в те времена «эвфемизмом» для описания явлений, которые впоследствии будут объяснены квантовой физикой.

Как бы то ни было, мнение о том, что Дмитрий Иванович Менделеев является образцом православного естествоиспытателя, сегодня набирает популярность. Наиболее авторитетным историком науки, развивающим данную точку зрения, является директор музея-архива Д.И. Менделеева при Санкт-Петербургском университете, доктор химических наук Игорь Сергеевич Дмитриев. «несмотря на всю «приземленность» его научных трудов, связанных с технико-экономическими и чисто научными темами, он никогда не забывал о духовной компоненте бытия, – утверждает И.С. Дмитриев в статье «Умный правдолюбец», – он посещал наш университетский храм, был в прекрасных отношениях с настоятелями»¹.

Дмитрий Иванович Менделеев называл себя «ни материалистом, ни идеалистом, а реалистом». Считается, что более полно этот принцип раскрыт в его знаменитой «формуле-триаде», высказанной в главе «Мировоззрение», являющейся более поздним дополнением к работе «Заветные мысли»: «По моему разумению, грань наук, доньше едва достигнутая и, по всей видимости, еще и надолго долженствующая служить гранью научного познания, грань, за которой начинается уже не научная область, всегда долженствующая соприкасаться с реальностью, из нее исходить и в нее возвращаться, эта грань сводится (повторю опять для избежания недоразумений – по моему мнению) к принятию исходной троицы несливаемых, друг с другом сочетающихся, вечных (на-

¹ Умный правдолюбец. Беседа с директором музея Д.И. Менделеева Игорем Дмитриевым / Портал Православие.ру. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/guest/35990.htm>

сколько это нам доступно узнавать в реальностях) и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа... Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всем реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково невысказаны в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи»¹.

Современного православного человека такая формулировка скореестораживает: слишком уж абстрактно формулируется триада, при определенном толковании здесь и до «монизма» К.Э. Циолковского недалеко, а последнее уже несовместимо с православным мировоззрением. Но в том и дело, что в отличие от «калужского мечтателя», Дмитрий Иванович умел вовремя остановиться, не превращая натурализофские построения в оккультные начала «русского космоизма».

Кроме того, необходимо учитывать контекст появления данной формулировки. Она приводится дважды – в работе «О химическом понимании мирового эфира», то есть именно о химическом, демистифицированном, и затем в «Мировоззрении», но в полемике со сторонниками Шопенгауэра и Ницше.

Четко разделяя сферы науки и религии, Менделеев поставляет себя вне спора «материализма» и «идеализма», столь волновавшего умы того времени. Отвержение материализма, как основного принципа объяснения бытия было достаточно смелым шагом для ученого-естественника конца XIX-начала XX века, и грозило вызвать насмешки со стороны коллег. Достаточно вспомнить имя А.А. Маркова, основателя теории случайных процессов, устроившего в 1901 году шутовское самоотречение от

¹ Менделеев Д.И. Сочинения: в 25 т. Под общ. ред. акад. В. Е. Тищенко. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1937-1952, т.24, с.460

Церкви, чтобы представить себе атмосферу, царившую в научном сообществе того времени.

Под неприятием «идеализма» в работах Менделеева следует понимать прежде всего отвержение оккультизма и спиритизма, притом с претензией на «научность». Неслучайно, иногда для обозначения этого явления Дмитрий Иванович использует слово «метафизика». Хорошо известно, что подобными идеями увлекались его коллеги, химики Е.Е. Вагнер и А.М. Бутлеров, также внесшие немалый вклад в развитие химии как науки, но, тем не менее, позволявшие себе принимать всерьез «непознанные законы» спиритизма.

Значительная часть XXIV тома собрания сочинений Д.И. Менделеева занимают «Материалы для суждения о спиритизме»¹, которые и сегодня могут послужить актуальным источником для изучающих сектоведение.

Дмитрий Иванович прибег к тому, что математики называют «доказательством от противного». Условно соглашаясь с тем, что у оккультизма существуют свои «непознанные законы», он подошел к изучению подобных явлений с подлинно научными критериями, с попытками статистического анализа, с использованием манометров и других приборов. В подавляющем большинстве случаев ему удалось разоблачить элементарное шарлатанство, вроде тонкой нити, приводящей в движение «летающие» предметы, в прочих же ситуациях – обосновать научную бездоказательность сделанных спиритами наблюдений. Труд Менделеева доставил ему немало неприятностей в научной среде, зато вызвал сочувственный отзыв Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 год, впрочем, не без разочарования.

Менделеев много говорит о «научном скептицизме», из-за чего советские толкователи относили его едва ли не к материалистам и атеистам. Но необходимо отличать полемические форму-

¹ Менделеев Д.И. Цит. соч. т. 24, с. 171-240

лировки от собственно *credo* – исповедания веры, мировоззрения. «я объясняю скептицизм тем, что неразумность заставляет науку, обобщающую реализм и выводы предсказаний его покоряющую на пользу людскую и тем к реальности возвращающую, – заставляет науку относиться с теми же приемами к своим крайним обобщениям, – пишет Дмитрий Иванович. – Да этого делать-то не следует, потому что научные обобщения не есть уже меняющаяся безграничность или реальность, а ограничены тем, что удалось изучить (а изучены лишь "песчинки на берегу океана неизвестного", как сказал Ньютон) до того, что стало возможным кое-что предсказывать, и эти научные обобщения должны оставаться неизменными, пока само изучение реальности не заставит их изменять, расширять и совершенствовать. Оттого-то ничего толкового и полезного и не дала и не дает вся метафизика, на которой и покоится весь скептицизм»¹.

«Вечное, общее и единое... логически выше реального, которое познается лишь во временном, частном и многообразном лишь разумом и в отвлечении обобщаемом», – утверждает Менделеев, рассеивая таким образом все сомнения в скептицизме или агностицизме. Напротив, скептицизм он считает слабостью разума, неизбежным следствием последовательного материализма, впрочем, оставляя за таковым право на искренность. «Современный... скептицизм берет свое начало из вековечно существовавшего и долженствующего вечно существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие об "едином" по возможности реализовать или узнать ближе.., – пишет Менделеев. – Стремление реализовать так или иначе "единое", или "единство", есть естественное следствие пытливости, и за последнее время оно приобрело особую напряженность, когда успехи в реальных науках стали не только явно

¹ Менделеев Д.И. Цит. соч. т.24, с. 457

возрастать, но и быть видными даже в ежедневной жизни... Науки в сущности отвлекают от прямого реализма, и если они либо по сюжету реальны, либо реально полезны, потому что дают полезные предсказания, то тем самым только подчеркивается необходимость отвлечений, их значение и полезность. Очень должна быть велика путаница мысли, когда с научными приемами хотят найти реализацию высшего единства, одним реальным выразить множество реальностей или отвлечений. Вот и выходит белка в колесе. А как это увидят, сейчас и бросают, сейчас и впадают в скептицизм по отношению ко всем и всяким обобщениям, конечно, кроме слов, которые сами по себе не что иное, как первичные обобщения...»¹

Вернемся к «Мировоззрению». Сразу же за описанием первой «триады», Менделеев приводит и вторую: свобода, труд, долг. «опять-таки в этом понятии долга, определяемом широко, он объединял не только долг перед Родиной, учениками, семьей, но и перед Богом, – пишет И.С. Дмитриев. – Во второй тройке понятий также заключалась идея следовать своему призванию».

В контексте второй «триады» становятся понятными и идеи Менделеева в области образования (в частности, вполне себя оправдавшая ориентация на «натурализацию», изучение естественных наук), и рассуждения о роли развития промышленности и технического прогресса в увеличении населения и росте благосостояния такого.

Иногда «протест» Менделеева против классического образования понимают как призыв к практицизму, к обучению механизмам решения конкретных задач. Это неверно: Дмитрий Иванович и в данном случае находится в русле лучших традиций русской педагогической мысли. По мнению Менделеева, на смену древним языкам и античной истории в школьном курсе должны прийти математика и естественные науки для того чтобы точ-

¹ Менделеев Д.И. Цит. соч. т.24, с. 456-457

но также, как латынь, способствовать развитию мышления ученика. Аристотеля же и тем более святых отцов Церкви вполне можно читать во многочисленных, появившихся к тому времени, переводах. Во всяком случае сомнительно, чтобы гимназисты впервые знакомились с трудами античности по-гречески и понимали их всерьез.

Именно естественно-научная парадигма должна была по Менделееву стать основой преемственности между высшим и другими этапами образования; однако при этом особое место в образовательном процессе отводилось родной словесности. «Соглашаясь с тем, что в среднем общем образовании должно отдавать предпочтение двум разрядам знаний: изучению языков и математическим наукам, я думаю, что русский язык должен быть положен в России в основу первого рода предметов. Затем должно подготовить учеников к чтению на европейских языках, но отнюдь нельзя дать предпочтения мертвым языкам перед живыми, потому, во-первых, что ныне в изучении наук столь же редко приходится пользоваться подлинниками классиков, как и шведскими, испанскими, арабскими и голландскими оригиналами, а, во-вторых, потому, что изучение латыни и греческого требует слишком много времени. Последнее обстоятельство – самое существенное»¹.

Дмитрий Иванович не забывает отметить: «О числе и значении уроков Закона Божия говорить нет надобности, так как необходимость предмета и его важное значение всем понятны»². В более пространные рассуждения он не пускается, может быть, полагая, что этот вопрос находится не в его компетенции, и вообще не входит в основную тему работы.

Однако при сопоставлении идей вышеизложенных Д.И. Менделеева с идеями И.В. Киреевского, представленными в его трудах «О характере просвещения Европы и о его отношении к

¹ Менделеев Д.И. Цит. соч. т.23, с. 56-57

² Менделеев Д.И. Цит. соч. т.23, с. 99

просвещению России» и «О необходимости и возможности новых начал для философии» обнаруживается, что они взаимно дополняют друг друга, образуя целостную концепцию построения образования, вполне характерную для представителей русской религиозно-философской мысли.

С.З. Гончаров

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ИВАН ИЛЬИН: ЭТИКА МОРАЛЬНОГО ДЕЗЕРТИРСТВА И ПРАВСТВЕННОЕ МУЖЕСТВО СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Анализ И.А.Ильиным учения Л.Н.Толстого о непротивлении злу силой остро актуален для общественного сознания России. Раскрывая несостоятельность этого учения, точнее, проповеди, И.А. Ильин дает во многом непревзойденный анализ того душевно-духовного акта, которым гениальный русский писатель творил свои художественные произведения и благодаря которому заблуждался в области философских обобщений.

Ильин разработал новое направление в философии – духовную актологию. Мощь этого нового направления он раскрывает в своих трудах в области философии, политологии, права, этики, эстетики, искусствоведения. Вначале сделаем некоторые пояснения относительно художественного акта.

Что такое художественный акт?

Каждый художник творит самобытно, по-своему созерцая, вынашивая идею, находя образы, облакая в слова, звуки, линии, жесты. «Этот самобытный способ творить искусство и есть его “художественный акт”, – гибко-изменчивый у гения и однообразный у творцов меньшего размера»¹.

В творческом акте могут участвовать все силы души – чувственное восприятие, духовное созерцание, эмоции, вера, любя-

¹ Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. I. С. 104.